

Г. Х. фон Вригт^{*}
АНАЛИТИЧЕСКАЯ
ФИЛОСОФИЯ:
ИСТОРИКО-КРИТИЧЕСКИЙ
ОБЗОР

I

Среди основных философских направлений нашего столетия одно, называемое *аналитическим*, является наиболее типичным для современного духовного состояния. К тому же оно представляет собой течение, широко распространившееся по всему земному шару. Это можно объяснить союзом аналитического направления с двумя силами, которые более любых других оставили отпечаток на современной цивилизации, — наукой и технологией.

Я осознаю элемент субъективности в моей оценке. Она, несомненно, отражает мой личный опыт и вкус. Ниже я постараюсь дать ей рациональное обоснование и сделаю это, проследив историческое происхождение данного течения и развитие в нем некоторых противоборствующих тенденций, которые были присущи ему с самого начала.

Рассматриваемая в широком контексте, аналитическая философия продолжает традиции европейского Просвещения. Вероятно, не без оснований ее наиболее значительного представителя — Бертрانا Рассела — сравнивают с Вольтером. Однако, впервые появившись на философской сцене, она оказалась в оппозиции другому течению мысли, которое также было порождено Просвещением. Речь идет об идеалистической традиции в философии. Поворотным моментом в разрыве с прошлым стала статья Дж. Э. Мура «Опровержение идеализма», вышедшая в 1903 году.

Когда же в десятилетия между двумя мировыми войнами новая философия осуществила наступление на широком фронте, она заявила о себе как о великом перевороте, глубокой революции в мыш-

лении. Это время уже далеко в прошлом. Во второй половине нашего столетия¹ аналитическая философия приобрела черты, типичные для укоренившейся или общепризнанной традиции мысли. Ее отличительная особенность начала блекнуть, а сама она становится все более эклектичной. Ей грозит утрата идентичности.

Одновременно с этим изменилось и общественное мнение. Форма рациональности, выражаемая наукой и технологией, стала вызывать сомнения из-за последствий для общества и условий жизни людей. Аналитическая философия как детище веры в прогресс на основе науки выглядит внутренне неспособной справиться с данными проблемами. Эта задача возлагается на другие типы философии, отличные от аналитической и часто критически настроенные по отношению к ней.

II

В запутанной ситуации кризиса идентичности возникает потребность в историко-критическом анализе аналитической философии. История этого движения еще не написана полностью. С учетом все возрастающей его разнородности вполне уместно попытаться определить наиболее существенные его черты и отделить их от более поздних наслоений, чуждых для истоков данного движения.

В последнем томе довоенного рупора логического позитивизма, журнала «Erkenntnis» («Познание»), есть две статьи, важные для нашего настоящего рассмотрения. Первая написана Фридрихом Вайсманом и называется «Что такое логический анализ?». Автор пишет: «Philosophie und Wissenschaft sind zwei grundverschiedene Typen menschlicher Geisteshaltung. — Der wissenschaftliche Geist sucht nach Erkenntnis, d. h. nach Sätzen, die wahr sind, die mit der Wirklichkeit übereinstimmen. Auf einer höheren Stufe erhebt er sich zur Bildung von Theorien. — Was man durch die Philosophie gewinnen kann, ist ein Zuwachs innerer Klarheit. Das Resultat einer philosophischen Überlegung sind nicht Sätze, sondern das Klarwerden von Sätzen»².

За этими словами стоит идея, согласно которой имеется ясное и четкое различие между философией, с одной стороны, и наукой — с другой. Именно этот взгляд Витгенштейн выразил в «Трактате» и сохранил его при всех изменениях, которым в дальнейшем подверглась его философия. Это представление с самого начала оставило отпечаток также и на моем понимании философии. Однако оно никоим образом не свойственно всем без исключения философам, называющим себя аналитическими, — не важно, говорим мы о прошлом или настоящем. Для философов данной «конфессии» характерны оба вида интеллектуальной установки, выделенные Вайсманом, — иногда в открытой оппозиции друг другу, иногда в нерелефлексивном альянсе. По этой причине аналитическая философия почти с самого начала была нагружена латентными противоречиями, которые в конце концов вышли наружу, разрушив таким образом единство данного движения. Как это произошло, мы и рассмотрим сейчас.

¹ Здесь и далее имеется в виду XX век.

² Waismann 1939, p. 265: «Философия и наука являются двумя фундаментально разными установками (attitudes) человеческого разума. Научный разум стремится к знанию, т. е. к предложениям, которые являются истинными, согласуются с реальностью. На более высоких ступенях он поднимается до создания теорий. Благодаря философии можно достичь большей внутренней ясности. Результатом философского рассуждения являются не сами предложения, а разъяснение предложений».

Вторая из двух статей последнего довоенного тома „Erkenntnis“ озаглавлена «Отношения между логическим позитивизмом и кембриджской школой анализа». Ее автором является Макс Блэк. Это была первая — и вполне заслуживающая похвалы — попытка привлечь внимание к двойственным корням новой философии — идущим из Вены и Кембриджа — и их отличительным особенностям. Автор также осознает различие между двумя установками в отношении природы философии, которые преобладали среди аналитических философов.

III

Важные течения в истории мысли часто возникают из приблизительно одновременных начинаний в разных уголках образованного мира. Мы уже отмечали, что это имело место и в случае аналитической философии. В целях изложения полезно, однако, привязать действительное рождение этого движения к определенному месту и времени — Кембриджу на рубеже столетий — и рассмотреть в качестве его основателей двух выдающихся людей — Бертрانا Рассела и Джорджа Эдварда Мура. Эти два философа оказали влияние друг на друга и вдохновляли друг друга. Именно Мур, будучи на год моложе Рассела, побудил его к «восстанию» против кантовского и гегелевского идеализма и проложил путь к новой платформе в философии. В то же время они очень отличаются друг от друга. Истоки большей части трений, присущих данному движению, можно обнаружить в различии между этими двумя философами, включая и трения между двумя «grundverschiedene Typen menschlicher Geisteshaltung» («в корне различных типов человеческого духа»), выделенными Вайсманом.

Можно сказать, что для Рассела характерен поиск неопровержимого знания истины. Это верно и для его ранних занятий логикой и математикой, и для более поздних попыток разрешить юмовские сомнения относительно индукции. В этом отношении имеет смысл сравнить его с Декартом. Подобно французскому философу, Рассел вначале видел образец бесспорного знания в математике. Но доказательство в математике осуществляется из аксиом, а в них можно усомниться. Эта мысль привела Рассела к логике. Как он сообщает в одной из своих автобиографий, его участие в международном философском конгрессе в Париже в 1900 году имело решающее значение для его развития³. Там он встретился с Пеано и познакомился с итальянской школой исследований в области оснований математики. Как мы знаем, отдаленными последствиями этой встречи стали его работы по логике — сначала «Принципы математики», а затем, совместно с Уайтхедом, «Principia Mathematica», которые относятся к высочайшим достижениям в истории этой дисциплины.

Возможно, бесполезно, хотя и соблазнительно, порассуждать о том, заняла бы логика центральное место в философии нашего столетия, которое она несомненно занимает, не будь этого вклада Рассела в ее развитие и не придерживайся он трактовки логики как сущности философии⁴. Новая логика была прежде всего делом математиков, а не профессиональных философов. Пришло бы кому-нибудь в голову, к примеру, что одним из вели-

³ Russell 1944, p. 12: «Наиболее важным годом в моей интеллектуальной жизни был 1900-й, а наиболее значимым событием в этом году — мое посещение международного конгресса по философии в Париже».

⁴ Russell 1914, p. 42.

чайших философов XIX века был профессор математики из Йены? Рассел великодушно⁵ заявляет, что Фреге первым стал использовать метод логического анализа для решения философских проблем. В свете процессов, реальное начало которых следует отнести только ко второй половине нашего века, не столь уж неуместно видеть во Фреге «основателя» аналитической философии и скорее считать Рассела последователем Фреге, чем Фреге — предшественником Рассела. Но сомнительно, чтобы без Рассела кто-нибудь когда-нибудь стал бы приписывать эту роль Фреге.

Поиск Расселом надежного знания привел его к логике. Как основание для математики логика была наиболее неопровержимой из наук. Образуя ядро философии, она обещала в конце концов придать и философии достоверность и точность науки. В своей книге «Наше познание внешнего мира как область для научного метода в философии», которая, вероятно, лучше других отражает эту его позицию, Рассел писал: «Философия с самых ранних времен претендовала на большее, а достигала меньшего, чем любая другая отрасль знания; полагаю, что настало время, когда этому неудовлетворительному положению дел можно положить конец»⁶. А в очерке, написанном в 1920-е годы, он утверждает, что философия есть «по существу нечто единое с наукой, отличаясь от специальных наук только более общим характером своих проблем»⁷. В свете различия, проведенного Вайсманом, Рассел выражает скорее научную, а не философскую, установку разума (*Geisteshaltung*). То же самое верно — по крайней мере, я склонен так думать — в отношении преобладающего большинства тех философов, которые все еще считают себя «аналитическими». Многие из них, вероятно, пожелали бы отмахнуться от различия Вайсмана, сочтя его чрезмерным упрощением или даже заблуждением.

IV

Рассел занимался поиском достоверности. Мур же полагал, что он уже обладает ею. В своей известной статье «Защита здравого смысла» он перечислил ряд вещей, которые, по его мнению, знает достоверно. Например, то, что он является человеком, что у него есть тело, что он никогда не был на Луне, что мир давно существует и так далее, и тому подобное.

Знание этих истин не представляет собой ни плод философской рефлексии, ни результат научного исследования. Данные истины выступают «обыденным» знанием, но из них вытекают важные философские следствия. Тот факт, что Мур имеет тело, означает, что существуют материальные тела. Мур полагал, что таким образом он может доказать существование внешнего мира, независимого от сознания. В другой своей известной статье, представляющей собой лекцию, прочитанную в британской Академии наук в 1939 году, он приводит доказательство в виде трогательного жеста — двух протянутых рук — и уверяет слушателей, что его руки экземпляфицируют две вещи, принадлежащие внешнему миру. Как однажды заметил Витгентштейн, только философ, обладающий серьезностью и интеллектуальным достоинством Мура, мог предложить это «доказательство» ученому собранию, не выглядя при этом нелепым.

⁵ Ibid., p. 7.

⁶ Russell, 1914, p. 13.

⁷ Russell, 1928, p. 71. Затем он продолжает: «Согласно новой философии, всё знание есть научное знание, подтверждаемое и доказываемое методами науки».

«Доказательство» Мура, конечно же, доказательством не является. Но можно сказать, что оно выражает определенное отношение к проблемам философии, отношение, которому я и сам симпатизирую и которое также, хотя и в другом обличье, известно нам по способу мышления Витгенштейна. Я попытаюсь описать его следующим образом.

Философские взгляды, отрицающие то, что принимается как нечто само собой разумеющееся всеми нами — даже философами, когда они не философствуют, должны быть отброшены как абсурдные или бессмысленные. Примеры таких взглядов: то, что не существует внешнего мира, независимого от нашего сознания, что все существующее является материальным, что, строго говоря, нельзя ничего знать с достоверностью или что ни один человек не мог бы никогда поступить иначе, чем он поступил. Эти тезисы отстаиваются философами — идеалистами, материалистами, скептиками и детерминистами. Поскольку они приходят в противоречие с тем, что мы не ставим под сомнение в нашей повседневной жизни и обычных разговорах друг с другом, они абсурдны. Как таковые они должны быть отвергнуты без каких-либо обоснований. То, что существуют материальные вещи наряду с вещами, которые не являются материальными, то, что мы «действительно знаем» много истин, то, что мы часто, если не всегда, могли бы поступить иначе, — все это и многое другое, подвергаемое философами сомнению, должно быть принято как непреложный факт.

На этом, впрочем, философствование по подобным вопросам не заканчивается. В этом Мур совершенно уверен. Проблема, однако, связана не с *истинностью* воззрений и утверждений здравого смысла, а с их *значением*. Что значит: существует внешний мир, независимый от моего сознания, или я обладаю свободой воли? Ответить на такие вопросы — задача анализа.

Не могу удержаться здесь от небольшой пародии на один из примеров Мура. Мур говорил, что он знает, что куры откладывают яйца⁸. У него нет ни малейшего сомнения в том, что это так и есть. Но что *значит*, что куры откладывают яйца, — этого он был неспособен установить. Значительная часть аналитической работы Мура в философии состояла из попыток разъяснить, как вещи и события в материальном (физическом) мире, такие как откладывание яиц курами, связаны с нашими восприятиями этих вещей (чувственными данными). Однако эти аспекты его мышления нас здесь не должны интересовать.

Различие между вопросами истины и вопросами значения имеет первостепенную важность для понимания того, что же выступает специфическим не только для философии Мура, но и для всего аналитического движения. Для философии сформулирована задача анализа — прояснить значение высказываний. Однако даже если истинность или ложность анализируемых высказываний не ставится философом под сомнение, правомерно спросить, скажется его анализ этих высказываний правильным или нет. Как это решить? Природа и критерии правильности результатов анализа сами являются философской проблемой. Я не знаю ее решения и не буду в этой статье пытаться в нее вникнуть⁹.

⁸ Moore, 1905, p. 65f (ссылка дана на репринт этой статьи в *Philosophical Studies*, 1922).

⁹ Я попытался это сделать в моей «Интеллектуальной биографии» (Wright von, 1989, p. 42–54). Но я мало удовлетворен своими попытками достичь ясности в этом вопросе.

V

И Рассел, и Мур подчеркивали «аналитическую» природу своей философии¹⁰. Рассел, видимо, первым заговорил о логическом анализе как «методе»¹¹. В одной из своих поздних автобиографий он писал: «С тех пор как я отверг философию Канта и Гегеля, я искал решения философских проблем путем анализа и остаюсь твердо убежденным в том, что только на пути анализа возможен прогресс»¹². Достижимый таким образом прогресс, говорит он, представляет собой «тот же вид достижений, что и результаты, полученные в физике Галилеем»¹³.

Рассел, впрочем, немного писал о природе и особенностях этого нового метода. Он не внес вклада в его проблематизацию. Мур больше осознавал имеющиеся здесь проблемы¹⁴. Но то, что ему удалось сказать о них, мало что проясняет. Его широко известный пример: «брат – это ребенок мужского пола от тех же родителей» («a brother is a male sibling») – хорошо иллюстрирует анализ, т.е. разделение понятия на его компоненты, но он полностью лишен какой-либо философской значимости.

В ранее упомянутой статье Вайсмана мы читаем: «Analyse bedeutet Zerlegung, Zergliederung. Logische Analyse scheint also zu bedeuten: Zerlegung eines Gedankens bis in seine letzten logischen Elemente. Und hier schwebwn uns nun allzu leicht Analogien aus verschiedenen anderen Gebieten vor: Sowie der Physiker das weisse Licht durch ein Prisma zerlegt – wie der Chemiker eine Substanz analysiert – ungefähr so stellt man sich das Geschäft eines Philosophen vor: er soll die Struktur eines Gedankens, seinen logischen Bau bloss legen»¹⁵.

На знаменитую теорию дескрипций Рассела часто ссылаются как на прототип философски значимого анализа¹⁶. Давайте мельком ее рассмотрим.

Как хорошо известно, согласно этой теории Рассела предложение «Скотт является автором "Веверлея"» означает то же самое, что и «Существует x такой, что x есть автор "Веверлея", и для всякого y верно, что если y есть автор "Веверлея", то y тождественен Скотту».

Что нам это дает? Во-первых, то, что предложение, имеющее простую субъектно-предикатную *грамматическую* форму, может обладать значительно более сложной *логической* формой. Грамматическое строение предложения необязательно отражает его логическую структуру. И, во-вторых,

¹⁰ Это также верно в отношении их более молодого современника Фрэнка Рамсея, о чем свидетельствуют многочисленные отрывки из: Ramsey, 1991.

¹¹ Russell, 1914, p. 7 и *passim*.

¹² Russell, 1959, p. 14.

¹³ Russell, 1914, p. 14.

¹⁴ См. две его статьи «Что такое анализ?» («What is Analysis?») и «Оправдание анализа» («The Justification of Analysis») в: Moore, 1966.

¹⁵ Waismann, 1939, p. 266: «Анализ означает разложение, расчленение. «Логический анализ», таким образом, видимо, означает расщепление мысли на ее элементарные логические компоненты. И здесь нам всем легко приходят на ум аналогии из других областей. Точно так же как физик разлагает свет с помощью призмы, как химик анализирует вещество – примерно так же можно представить себе то, что делает философ: его задача – раскрыть структуру мысли, обнажить ее логическое строение».

¹⁶ Ramsey, 1931, p. 263: «...Этот образец философии, теория дескрипций Рассела».

то, что логически важные понятия могут скрытно присутствовать в предложении, не имея выражения в словах этого предложения. Так, в предложении «Скотт является автором "Веверлея"» спрятаны понятия существования («существует такой»), всеобщности («все»), условности («если-то») и тождественности. Анализ и выявляет эти скрытые компоненты.

Нас здесь не интересуют ни философские проблемы, для решения которых предназначалась теория дескрипций Рассела, ни вопрос о том, является ли предложенный им анализ правильным. На эту тему были разработаны и другие теории.

Анализ Рассела интересует нас здесь только как самый впечатляющий пример того, что можно назвать *логической грамматикой* некоторого данного языкового выражения. В качестве образца он произвел глубокое впечатление на философа, который внес наибольший, по сравнению с другими, вклад в превращение нового способа философствования, представленного Расселом и Муром, в мировое движение.

VI

Никто не стал бы отрицать, что Витгенштейн имеет ключевое значение для развития аналитической философии — и как автор «Трактата», и как автор «Исследований». Можно ли самого Витгенштейна назвать аналитическим философом — это уже совсем другой вопрос. Об «Исследованиях» можно сказать, что по духу они чужды и даже враждебны типично «аналитическому» подходу. «Трактат» же, напротив, в некоторых отношениях считается образцом аналитического стиля в философии, особенно если учесть, какое воплощение этот стиль нашел у Рассела и как он был развит далее членами Венского кружка. Поздний Витгенштейн демонстрирует определенную близость к Муру.

Фундаментальная проблема в «Трактате» Витгенштейна, я бы сказал, состоит в следующем: как лингвистические знаки могут находиться в отношении означивания с миром? Или, говоря короче, как возможен язык? Ответом является представление Витгенштейна о языке как картине реальности. То, что Витгенштейн называет элементарным предложением (*Elementarsatz*), состоит из *имен*, которые репрезентируют *объекты* в мире и взаимные отношения которых в предложении изображают взаимные отношения или конфигурации соответствующих объектов в возможных положениях дел. Все наделенные значением неэлементарные предложения представляют собой так называемые функции истинности от элементарных предложений.

Объекты суть субстанция мира. Возможные отношения объектов в положениях дел и соответствующие возможные отношения имен в осмысленных предложениях образуют логическую форму, или сущность, мира. Таким образом, сущность языка и сущность мира — это одно и то же.

Подход Витгенштейна предполагает двухмерный анализ предложений языка. Во-первых, необходимо анализировать, раскладывать элементарные предложения на имена, соединение которых в предложении соответствует возможной конфигурации объектов в мире. Во-вторых, необходимо представлять все другие осмысленные предложения в виде функций истинности от элементарных предложений.

В работах, написанных непосредственно до и после публикации «Трактата», Рассел высказал сходные взгляды на логику языка и ее связь с миром. Для своих идей он придумал говорящее название *логический атомизм*. Ло-

гико-атомистическая концепция характерна для многого из того, что носит название аналитической философии. Ее можно даже считать выражением сущности этого типа мышления. Она не требует принятия изобразительной теории языка, которая оказала относительно небольшое влияние на последующие разработки¹⁷.

Философия языка Витгенштейна в «Трактате» имеет ту особенность, что нельзя привести примеры элементарных предложений и имен, а вместе с ними и объектов в мире. Эта черта связана с другими особенностями данной глубоко «метафизической» работы. Логическая форма не просто часто скрыта за грамматическими формами «языка как он есть», чему хорошей иллюстрацией служит теория определенных дескрипций Рассела. Эту форму в принципе невозможно описать в самом языке. Идеальный язык Витгенштейна оправданно поэтому назвать «призрачным языком» (*never-never language*)¹⁸. «Кристаллическая структура» логики языка показывает себя в осмысленной речи, но о самой логике нельзя *сказать*, что она имеет такую-то форму.

В предисловии к своей книге Витгенштейн говорит, что проблемы философии имеют под собой «непонимание логики нашего языка». Если же удастся ясно постичь эту логику — как она показывает себя в осмысленном словоупотреблении, — философские проблемы исчезнут. Проблемы философии — это псевдопроблемы. Их нельзя решить, но можно лишь устранить. В философии нельзя выдвигать тезисы, а затем приводить аргументы за или против них. Например, признание существования внешнего мира, строго говоря, не является позицией, которую стоит пытаться защищать с помощью доводов реалистов или опровергать с помощью доводов идеалистов.

VII

Автор «Трактата» полагал, что покончил с проблемами философии раз и навсегда. Завершив свою работу, он погрузился в интеллектуальное одиночество. В философском плане Кембридж был тем местом, где его книга оказалась как дома. Эта ситуация, вероятно, продолжалась бы намного дольше, не попади «Трактат» в руки Морицу Шлику и некоторым его коллегам в Вене.

Шлик в 1922 году был приглашен из Киля в Вену, чтобы возглавить кафедру, которой когда-то руководил Эрнст Мах. Вокруг него собралась группа людей. К концу десятилетия они представили себя более широкой публике, издав манифест под названием «Der Wissenschaftlichen Weltauffassung. Der Wiener Kreis» («Научное миропонимание — Венский кружок»). Члены кружка не были «чистыми» философами, все они работали в той или иной специальной науке¹⁹. Общим для них стало основывающееся на науке антиметафизическое отношение к философии. В этом они не были одиноки в Европе. Кружки со сходной научно-философской ориентацией появились в Праге, Львове (Lemberg), Варшаве и других университетских городах Центральной Европы, включая Берлин. Между кружками имели место оживленные связи.

¹⁷ Исключение составляет финский философ Эрик Стениус, который отстаивал с помощью интересных доводов вариант изобразительной теории языка. См.: Stenius, 1960.

¹⁸ Black, 1964, p. 11. Блэк также называет его *lingua abscondita* (Ibid.).

¹⁹ См.: Wissenschaftlichen Weltauffassung, p. 13.

В своей борьбе против идеализма кембриджские аналитики считали себя союзниками неореалистических философских направлений, возникших на рубеже веков. Члены Венского кружка, напротив, провозгласили себя последователями и продолжателями дела позитивизма XIX века, особенно той его разновидности, которую создал Мах, и были настроены скорее «идеалистически», чем «реалистически». Философскую позицию кружка, особенно вначале, можно обобщенно охарактеризовать как позитивизм, обогащенный средствами новой логики. Это сочетание отражено в названии «логический позитивизм», которое стало ярлыком для данного движения, особенно в англоязычном мире. Название не было изобретением самого кружка. Видимо, оно происходит от названия двух книг, вышедших в Скандинавии: «Der logistische Neupositivismus» («Логический неопозитивизм») Эйно Кайла (1930) и «Logistischer Positivismus» («Логический позитивизм») Аке Петцеля (1931).

Кембриджский вариант аналитической философии имел двойственные корни — идущие от Мура и Рассела. И в движении, возникшем в Вене, можно усмотреть сходный дуализм в лице двух его наиболее выдающихся представителей, Шлика и Карнапа. Второй во многих отношениях является последователем и продолжателем дела Рассела. Он сам, должно быть, хорошо это осознавал. Шлик стоит ближе к Муру. Но более всего он находился под влиянием Витгенштейна. «Величайшим гением всех времен в логике»²⁰ называл он его. О «Трактате» он говорил, что твердо убежден в том, что это наиболее важная работа в философии нашей эпохи. И добавлял: «Die Tragweite seiner Gedanken ist in Wahrheit unermässlich; wer sie wirklich verstehend in sich aufnimmt, muss in philosophischer Hinsicht sofort verwandelt sein. Die neuen Einsichten sind für das Schicksal der Philosophie schlechtmir entscheidend»²¹.

Шлик взял у Витгенштейна прежде всего представление о философии как деятельности, цель которой — прояснение значения предложений. В своей известной вступительной статье к первому номеру «Erkenntnis», озаглавленной «Die Wende der Philosophie» («Поворот философии»), он писал: «Durch die Philosophie werden Sätze geklärt, durch die Wissenschaft verifiziert. Bei dieser handelt es sich um die Wahrheit von Aussagen, bei jener aber darum, was die Aussagen eigentlich *meinen*»²². Это разделение вопросов истины и вопросов значения, одновременно выражающее и различие между наукой и философией, является тем самым противопоставлением, которое Вайсман сформулировал в своей статье накануне Второй мировой войны, когда кружок уже прекратил свое существование, а его члены рассеялись по всему миру. Эти различия имеют непосредственным источником Витгенштейна, но в них можно слышать и отголосок высказываний Мура.

²⁰ Из устного общения автора с Эйно Кайла.

²¹ «Широта этих идей поистине неизмерима: любой, кто действительно воспримет их с пониманием, должен в результате стать другим, в философском отношении, человеком. Новые идеи являются ключевыми для судьбы философии» (из введения к посмертно опубликованной работе (Waismann, 1976, p. 20f). См. также (Schlick, 1979, p. 136): «Эта книга, по моему убеждению, является самой значительной философской работой наших дней».

²² «Философия проясняет предложения, наука их верифицирует. В науке речь идет об истинности предложений, а в философии — о том, что, собственно, они *подразумевают*» (Schlick, 1929, p. 8; в английском варианте — Schlick, 1979, p. 157). (Цит. по: Шлик М. Поворот философии // Журнал «Erkenntnis» («Познание»). Избранное. М., 2000. С. 101).

Философская деятельность достигает своей цели, когда она приводит к исчезновению, устранению проблемы. Поскольку философия, в отличие от науки, не имеет своего особого предмета исследования, исчезновение ее проблем означает исчезновение самой философии. Таким образом, поворот (Wende) философии, объявленный Шликом в его статье, также свидетельствует о конце (Ende) философии. Шлик и сам об этом неоднократно говорит. Часто цитируют заключительные слова из его статьи: «Dann wird es nicht mehr nötig sein, über "philosophische Fragen" zu sprechen, weil man über alle fragen philosophisch sprechen wird, das heist: sinnvoll und klar»²³.

Карнап также одно время считал, что философия в традиционном понимании приходит конец. Ее место займет «логика науки», которая, по его мнению, есть не что иное, как «логический синтаксис языка науки»²⁴. Но он также утверждал, скорее в духе Шлика и Витгенштейна, что философия — это не система или теория, а метод. Этот метод представляет собой логический анализ²⁵. Его применение дает нам предложения, говорящие о тех предложениях, которые являются объектом анализа. Первые принадлежат к метаязыку, вторые — к объектному языку. Метаязык формулирует правила, которым должны подчиняться предложения объектного языка, чтобы иметь смысл. Тем самым Карнап дистанцировался от позиции Витгенштейна в «Трактате», согласно которой нельзя осмысленно говорить о языке. Он принял точку зрения Рассела, высказанную им в качестве гипотезы уже во введении к книге Витгенштейна, размышляя о логической иерархии языков. Эта точка зрения также связана с предложенным Гильбертом различием между математикой и метаматематикой.

Различение объектного и метаязыка сыграло огромную роль в той ветви аналитического движения, которую можно назвать *логико-конструктивистской* и отделить от другой ветви, для которой более подходящим будет название «логико-аналитическая». Истоки логического конструктивизма (вне собственно логики) нетрудно обнаружить в работах Рассела, прежде всего в «Анализе сознания» и «Анализе материи». В первой из них, кстати, он отстаивает точку зрения, очень близкую к позиции Маха и логических позитивистов. Своей первой кульминации развитие конструктивистской линии достигло с выходом в 1928 году книги Карнапа «Der logische Aufbau der Welt» («Логическое построение мира»). Мне представляется довольно странным, что эта очень достойная книга не оказала большого влияния на последующее развитие философии²⁶.

«Негативное использование» аналитического метода, если воспользоваться выражением Карнапа²⁷, состояло в том, чтобы победить метафизику и изгнать ее из философии. Этот крестовый поход против метафизики, ха-

²³ «Тогда не нужно будет говорить о "философских вопросах", ибо все вопросы будут обсуждаться философски, т. е. осмысленно и ясно» (Schlick, 1929, p. 14) в английском варианте — Schlick, 1979, p. 160. (Цит. по: Шлик М. Поворот философии. С. 104).

²⁴ Carnap, 1934, p. iii-iv: «Philosophie wird durch Wissenschaftslogik — ersetzt; Wissenschaftslogik ist nichts anderes als logische Syntax der Wissenschaftssprache».

²⁵ См.: Carnap, 1931, p. 237.

²⁶ Наиболее близкой по духу работой, в которой получили развитие идеи, высказанные Карнапом в «Aufbau», вероятно, является книга Нельсона Гудмена 1951 года. Другой, довольно сильно отличающийся от карнаповского, подход к проблемам, связанным с логическим построением реальности, был предложен Кайла. См. мою статью «Eino Kaila's Monism» («Монизм Эйно Кайла») в сборнике «The Tree of Knowledge» («Древо познания»).

²⁷ См.: Carnap, 1931, p. 238.

рактерный прежде всего для логико-позитивистского этапа движения, имел, по мнению его участников, особую важность и настоятельность в условиях тогдашней философии²⁸. Со временем жар подостыл. В некоторых более поздних направлениях исследования, которые все еще можно назвать ответвлениями аналитической философии, даже нашли поддержку воззрения удивительно спекулятивного и в этом смысле «метафизического» характера.

Деятельность Венского кружка и связанных с ним кружков логико-аналитической ориентации в Центральной Европе оборвалась в связи с приходом к власти нацистов и началом Второй мировой войны. Как выражающий дух «прогрессивной современности», этот вид философии был выбран в качестве объекта преследования. К счастью, отнюдь немалое число его приверженцев из Австрии, Германии и Польши нашли себе прибежище в англосаксонской части мира. Со временем они стали играть важную роль в философской жизни принявших их стран. Возвращение аналитической философии на континент после войны, как мне представляется, было удивительно медленным. В Германии ему энергично способствовал австриец Вольфганг Штегмюллер. В его собственной стране наследие Венского кружка в течение долгого времени казалось почти мертвым.

За время между изгнанием и возвращением аналитическое движение само подверглось большим изменениям.

(Продолжение следует)

Перевод с англ. Л. Б. Макеевой

Список литературы

1. Austin, 1956: *Austin J.L. Ifs and C ans* // *Proceedings of the British Academy*. 1956. Vol. 42.
2. Black, 1940: *Black M. Relations between Logical Positivism and the Cambridge School of Analysis* // *Erkenntnis*. 1939–1940. Vol. 8.
3. Black, 1964: *Black M. A Companion to Wittgenstein's TRACTATUS*.
4. Carnap, 1931: *Carnap R. Überwindung der Metaphysik durch logische Analyse der Sprache* // *Erkenntnis*. 1931. Vol. 2.
5. Carnap, 1934: *Carnap R. Logische Syntax der Sprache*. Wien : Julius Springer, 1934.
6. Fodor, 1975: *Fodor J. The Language of Thought*. N. Y. : Thomas Y. Crowell, 1975.
7. Gellner, 1959: *Gellner E. Words and Things, A Critical Account of Linguistic Philosophy and a Study in Ideology*. With an Introduction by Bertrand Russell. L. : Gollanz, 1959.
8. Goodman, 1951: *Goodman N. The Structure of Appearance*. Cambridge (Mass.) : Harvard University Press, 1951.
9. Moore, 1905: *Moore G.E. The Nature and Reality of Objects of Perception*. Reprinted in: *Moore G.E. Logical Studies*. L. : Routledge & Kegan Paul, 1922.
10. Moore, 1954–1955: *Moore G.E. Wittgenstein's Lectures in 1930–33. 1–3* // *Mind*. 1954–1955. Vols. 63 & 64. Reprinted in: *Moore G.E. Philosophical Papers*. L. : Allen & Unwin, 1959.
11. Moore, 1966: *Moore G.E. Lectures on Philosophy* / ed. by C.L. Lewy. Allen & Unwin, 1966.
12. Pap, 1949: *Pap A. Elements of Analytic Philosophy*. N. Y. : Macmillan, 1949.
13. Pap, 1955: *Pap A. Analytische Erkenntnistheorie*. Wien : Julius Springer, 1955.
14. Quine, 1953: *Quine W.V.O. Two Dogmas of Empiricism*. Reprinted in: *Quine W.V.O. From a Logical Point of View*. Cambridge (Mass.) : Harvard University Press, 1953.

²⁸ «In der vorliegenden historischen Situation nötig and wichtig» (ibid.).

15. Ramsey, 1931: *Ramsey F.P.* The Foundations of Mathematics and Other Logical Essays. L. : Kegan Paul, Trench, Trübner & Co., 1931.
16. Ramsey, 1991: *Ramsey F.P.* Notes on Philosophy, Probability and Mathematics / ed. by M. C. Galavotti. Napoli : Biopolis, 1991.
17. Rescher, 1973: *Rescher N.* The Coherence Theory of Truth. Oxford : Oxford University Press, 1973.
18. Rorty, 1980: *Rorty R.* Philosophy and the Mirror of Nature. Oxford : Basil Blackwell, 1980.
19. Russell, 1914: *Russell B.* Our Knowledge of the External World as a Field for Scientific Method in Philosophy. Reprinted in: *Russell B.* Our Knowledge of the External World as a Field for Scientific Method in Philosophy. L. : Allen & Unwin, 1949.
20. Russell, 1924: *Russell B.* Logical Atomism // Contemporary British Philosophy. First Series. L. : Allen & Unwin, 1924.
21. Russell, 1928: *Russell B.* Sceptical Essays. N.Y. ; W.W. Norton, 1928.
22. Russell, 1944: *Russell B.* The Philosophy of Bertrand Russell / ed. by Schilpp. The Library of Living Philosophers. N.Y., 1944.
23. Russell, 1959: *Russell B.* My Philosophical Development. L. : Allen & Unwin, 1959.
24. Schlick, 1929: *Schlick M.* Die Wende der philosophie // Erkenntnis. 1929. Vol. 1.
25. Schlick, 1979: *Schlick M.* Philosophical Papers / ed. by Mulder H. Velde-Schlick van de B. F. B. Dordrecht : Reidel Publishing Co., 1979.
26. Stegmüller, 1979: *Stegmüller W.* Hauptströmungen der Gegenwartsphilosophie. Stuttgart : Kröner Verlag, 1979.
27. Stenius, 1960: *Stenius E.* Wittgenstein's 'Tractatus'. Oxford : Basil Blackwell, 1960.
28. Waismann, 1939: *Waismann F.* Was ist logische Analyse? // Erkenntnis. 1939–1940. Vol. 8.
29. Waismann, 1976: *Waismann F.* Logik, Sprache und Philosophie / ed. by G.P. Baker, McGuinness B.F. Stuttgart : Reclam, 1976.
30. Wittgenstein, 1967: Wittgenstein und der Wiener Kreis / ed. by B.F. McGuinness. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1967. In English: Wittgenstein and the Vienna Circle. Ed. by McGuinness B.F. Oxford : Basil Blackwell, 1979.
31. Wright von, 1971: *Wright von G.H.* Explanation and Understanding. L. : Routledge, Kegan Paul, 1971.
32. Wright von, 1989: The Philosophy of Georg Henrik von Wright / ed. by L. Hahn, P.A. Schilpp The Library of Living Philosophers. Chicago : Open Court, 1989.
33. *Cultural Relativism and Philosophy* / ed. by M. Dascal. Leiden : Brill E.J., 1991.
34. *Rationality and Relativism* / ed. by M. Hollis, S. Lukes. Oxford, 1982.
35. *The revolution in Philosophy* / ed. by A.J. Ayer, Kneale W.C., Paul G.A. [et al.]. With an Introduction by Ryle G. L., 1956.
36. Der Wiener Kreis der Wissenschaftlichen Weltauffassung. Herausgegeben vom Verein Ernest Mach. Wien : Artur Wolf Verlag, 1929.
37. The Scientific Conception of the World: The Vienna Circle. Dordrecht : D. Reidel, 1973.

О переводчике

Makeeva Lolita Bronislawovna – д-р филос. наук, доц. кафедры онтологии, логики и теории познания факультета философии НИУ-ВШЭ, lmakeeva@hse.ru, l.makeeva@mail.ru

About translator

Prof. Lolita B. Makeeva, Department of Ontology, Logic, and Epistemology, Faculty of Philosophy, State University – Higher School of Economics, lmakeeva@hse.ru, l.makeeva@mail.ru